

Генри Лайон Олди

Дикари Ойкумены *космический мари*

Книга третья Вожак

ПРОЛОГ

«Вся наша жизнь — приказы и подчинение. Даже когда мы полагаем, что руководствуемся исключительно порывом души — мы в плену самообмана. Желудок прикажет, и сломя голову несешься в сортир. Или терпишь до последнего, не в силах оторваться от увлекательной игры. Приказы явные и скрытые, простые и сложные, моральные и преступные. Подчинение добровольное и насильственное, полное и частичное, осознанное и неосознанное.

Миллион градаций, оттенков, нюансов.

В этом плане приказы богаче смыслами, чем философский трактат. В этом ключе подчинение разнообразнее всех соблазнов Ойкумены. Можно ли организовать бытие по-другому? Вряд ли. Можно лишь мечтать о каком-то ином Космосе, где благой Творец рискнет вывести нас из тупика опостылевших взаимоотношений...

Такая мечта — иногда приказ, иногда подчинение.»

— Эй! — заорал Пак. — Давай сюда!

От возбуждения карлик вышел в стойку на одной руке — и, сотрясая перила, взвизгнул сиреной:

— Быстро!

Старик вылетел на веранду, как ядро из пушки. Сравнение было архаичным, можно сказать музейным. Внешность Луция — морщины и складки, бугры и впадины, увенчанные копной седых волос, жестких как мочало — подбрасывала и более древние метафоры: стрела из лука, камень из пращи. Левую щеку от скулы до подбородка украшал пышный бакенбард пены — Луций Тумидус брился, и вопль маленького акробата застал его на середине процесса. В пижамных штанах, голый по пояс, с пенными хлопьями, упавшими на безволосую грудь, Луций выглядел бы персонажем комедии-буфф, когда б не страх в его глазах.

— Что-то с Марком?!

— Смотри!

Пак вытянул свободную руку, указывая, куда именно надо смотреть. Голосферу визора карлик развернул на манер экрана допотопного кинематографа, широко-широко, и выгнул дугой. Изображение вписалось в окружающий пейзаж не «окном», а натуральной диорамой. Под далекое фырканье бегемотов, в мерцании, обозначавшем край кадра, пронзаемые насквозь шальными бабочками с мохнатыми усиками, по подиуму расхаживали модели — большей частью мужчины. Их как одна мама делала, а не мама, так инкубатор: рост, плечи, талия, грудная клетка...

Лица значения не имели.

— Ты идиот, — внятно сказал Луций. В голосе старика пробились интонации шпрыхсталмейстера Донни Фуцельбаума: когда матерый шпрых был не в духе, от его шепота шарахались тигры и укротители. — Ты кретин. Жертва аборта. Я утоплю тебя в бочке яблочного сидра.

— Завтра, — отмахнулся Пак, не меняя позы. — Завтра утопишь.

— Сегодня. Сейчас.

— Смотри, говорю! Вот ведь старый дурак...

— На Китте, во Дворце Нгбене Чаа, состоялась Неделя мужской моды, — прервала дикторша намечающуюся ссору. Кукольное личико всплыло над моделями, дефилирующими туда-сюда; казалось, дикторша вот-вот плотоядно облизнется. — В ее рамках самые знаменитые стилисты продемонстрировали свои коллекции сезона. На семь дней подиум превратился в одно захватывающее шоу. Дебютный выход Пиладчи Стефани в качестве креативного директора «Gnozis Emergeny», богемная коллекция Нуuner & Rolladson, созданная по мотивам фресок монастыря Апперальо, модели госпожи Прюдон — гирлянды цветов в сочетании с травяной мини-юбкой. Завершала показ линейка стилей скандально известного элит-визажиста Игги Добса. Вниманию публики был предложен...

Прямо на Луция шел красавец-мужчина, одетый в комплект пеньковых веревок. Гроздь узлов, завязанных с матросским талантом, частично скрывали пах, соски и пупок. Это скорее привлекало внимание, чем служило данью скромности. Двигаться пути не мешали, но кое-где веревки обвивали тело слишком туго, вынуждая жилы вздуться, а мускулы — проявляться рельефнее. Голову модели венчал берет, сбитый на затылок. Из-под берета вилял роскошный льняной чуб.

— Стоп, — сказал Луций.

Он говорил самому себе. Вряд ли «стоп», озвученный в южной ночи Октуберана, мог задержать модель на подиуме сверх положенного. Взяв с перил тряпку, которой оказались запасные шорты Пака, старик вытер мыльную пену и бросил шорты обратно. Он не осознавал, что делает: взгляд Луция намертво прикипел к демонстрации.

Второй красавец-мужчина носил бриджи до колен и приталенную размахайку. На лацканах размахайки блестели значки: ромбы, круги, зигзаги. Бриджи удерживал пояс с крупной пряжкой из грубо обработанной латуни. Станным образом пряжка гармонировала с лицом модели:

брутальная утонченность, симбиоз контрастов. В походке красавца-мужчины было что-то от строевого шага.

— Марк, — кивнул Луций. — Точно, Марк.

— То-то же, — откликнулся Пак. — Сам ты кретин и жертва аборта.

Вряд ли зрители, даже поверхностно знакомые с Марком Тумидусом, уловили бы прямое сходство. Пожелай законный правообладатель — или его представитель-юрист — подать на Добса в суд, материала с гарантией не хватило бы. Но дед не мог ошибиться, видя за каждой моделью призрак внука; в особенности такой дед, как клоун Луций. Впрочем, хитровану Паку потребовалось еще меньше времени на анализ ситуации, верный вывод и крик:

«Эй! Давай сюда!»

— Нам удалось, — тоном заговорщика, провоцирующего неопита на государственную измену, сообщила дикторша, — взять интервью у Игги Добса, известного в кругах высокой моды, как Оп-ди-ду-да. Вот что ответил господин Добс по поводу нынешнего пилотного показа...

Подиум сменился крупным планом: Игги Добс собственной неповторимой персоной. Стилист был под сильным кайфом. Расширенные зрачки, капли пота на лбу, жестикуляция, слабо связанная с речью. Интервью грозило стать бомбой.

— Это не линейка, — сказал он. — Это приборочный эскиз. На идею меня вдохновил мой друг, курсант военного училища на Тренге. Встреча с ним стала незабываемым пятном в моей жизни...

Качнувшись, Игги с нажимом повторил:

— Да, пятном! Я планирую начать переговоры с человеком, которому я обязан жизнью, чтобы приобрести права на использование базовых элементов его личного имиджа. После этого я расширю милитари-линейку, присовокупив к ней...

— Тренг? — брови дикторши, как две птицы, вспорхнули на гладкий лобик. — Училище? Мне подсказывают, что на Тренге расположено всего одно училище: семнадцатое высшее военное училище либурнариев ВКС Помпилии. Вы не ошиблись?

— Я? — Игги Добс расхохотался. — Детка, в одном моем мизинце больше ума, чем в коллективном мозгу твоей языкатой братии! Ясен пень, речь о Марке Тумидусе из семнадцатого высшего! А ты что, решила, будто я шучу?

— Но ведь это, — дикторша брезгливо скривила рот, — абордажная пехота? Вы же должны понимать, чем занимается абордажная пехота Помпилии?

Игги встал по стойке «смирно»; вернее, предпринял такую попытку — и остался доволен результатом:

— Я? Я-то понимаю! Абордажная пехота — клевые парни! Они спасли нас: меня, Латомбу, девочек... Нас жрали живьем, крошка! Высасывали через соломинку! Оп-ди-ди! И кто нас вытащил из жопы?

— Господин Добс! Мы в эфире!

— Был бы я господин Добс, если бы не мой друг Марк! Новая линейка посвящена ему, и баста. Часть гонорара я намерен перечислить в благотворительный фонд помощи ветеранам ВКС Помпилии! Ты вообще улавливаешь, как это круто? А?! Или у тебя ловилку отшибло?!

— Мы возвращаемся на подиум, — дикторша повернулась к зрителям. Лик ее был безмятежен. После того, как финал интервью с Игги Добсом вырезали монтажеры, дикторше дали время восстановить душевное равновесие. — Свою коллекцию белья демонстрирует несравненная Влада Трури. Вашему вниманию...

Пак выключил звук.

— Скандал, — заметил карлик. — Он сечет фишку, этот Добс. Нас жрали живьем, слава абордажной пехоте... Популярность на скандалах пухнет, как на дрожжах. Надеюсь, Марк понимает, что такой контракт стоит денег? Серьезных денег: вкусных, хрустящих?

— Командование, — возразил Луций. — Не разрешат.

— За чужие бабки поднять реноме абордажников? Разрешат, еще и орден дадут...

— Убери. Видеть не могу...

Диорама схлопнулась. Стало темно, веранду освещал только ночничок над входом, да звезды в небе. Луций сел на ступеньки, ладонями сжал виски. Болела голова. Переволновался, подумал он. Вредно в моем возрасте. А что полезно?

— Юбилей, — сказал старый клоун. — Круглая дата.

— Скоро, — кивнул Пак. — Где гуляем?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ТИШРИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕРОЯ

I

— Кофе.

— Какой желаете?

— Любой. Покрепче.

— Хорошо, генерал.

Бармен взгляделся в знаки различия. Улыбнулся:

— Извините, военный трибун. Конечно же, трибун.

Гай Тумидус смотрел на бармена с тихой ненавистью. В сущности, бармен — рядовой боец из легиона obsługi, захватившей в плен космопорт Бен-Цанах — ни в чем не был виноват. Разве что улыбка... На ненависть Тумидусу отвели три месяца. Без малого сто дней, минувших после возвращения из Крови, изменник, легат, а ныне военный трибун ВКС Помпилии возвращивал, холил и лелеял ядовитую змею, жалившую его в сердце. Он ненавидел новое воинское звание. Ненавидел семиконечные звезды на погонах. Ненавидел трибунский жезл. И ничего не мог с собой поделать.

«Есть ли что-нибудь, — думал он, барабаня пальцами по стойке, — хуже родины гневной? Родины отвергающей, изгоняющей? Разумеется, есть. Родина кающаяся, ползущая к тебе на коленях. О, это стократ хуже...»

— Ваш кофе, трибун.

— Благодарю.

Бармен улыбнулся еще раз. Тумидус содрогнулся. Невпопад он вспомнил улыбку отца: одну, другую, третью. У отца про запас имелась тысяча улыбок, усмешек, ухмылок. На любой вкус, под любую ситуацию. Среди них не было только такой, какую сейчас демонстрировал бармен.

Чучело улыбки; шедевр таксидермиста.

У гематров скверно с мимикой. Сотрудников космопорта, крупнейшего на Тишри, специально обучали верным мимическим реакциям при контакте с инорасцами. Это считалось психологически комфортным. Гипно-курсы, специальные тренировки у зеркала; раз в год — повышение квалификации за счет администрации Бен-Цанаха. Теория и практика, практика и теория. Мышца, наморщивающая бровь, при сокращении смещает брови вниз и внутрь, к переносице. Мышца, поднимающая верхнюю губу, сокращаясь, углубляет носогубную складку. Мышца смеха непостоянна, ее задача — растягивание уголков рта в стороны... Бармен в совершенстве владел мускулатурой лица. От этого совершенства хотелось биться в истерику.

— Сливки? Сахар?

— Спасибо, не надо.

Кофе был превосходен.

— Мама! Я видел этого дядю по визору!

— Не кричи, это неприлично.

— Я видел! Это не дядя! Это символ!

— Сулла, не мели чепухи...

— В визоре говорили, что он — символ!

- Символ чего?
- Каяния. Я точно...
- Покаяния?
- Ага! Символ нашего покаяния... Мама, я хочу автограф!

Мимо шла молодая семья: муж, жена, мальчишка пяти лет. За ними на поводке плыл антиграв с багажом. Помпилианцы, отметил Тумидус. Судя по наклейкам, украшавшим чемоданы, только что прилетели с Октуберана. Мальчишка приплясывал на ходу, стараясь вырвать руку из мертвой хватки матери. Мальчишка стремился в бар, туда, где пил кофе военный трибун.

— Хочу автограф!

Тумидус отвернулся. Уставился в чашку, словно в навигационную сферу на трудном участке трассы. Он боялся увидеть реакцию бармена на мелкого идиота. Три месяца, сказал он себе. Нет, не так. Тебе очень повезло, болван, что дома ты провел всего пять недель. Тридцать пять дней ада крошечного. Потом тебя вызвали на Тишри, где сплошные гематры, где улыбки — комплексная работа мышц... На память пришел Лентулл с его рассказами о неверных женах. Измена — пустяки, говорил Лентулл. Куда хуже, если она раскаялась, вернулась, а ты принял. Теперь думай: котлета — это просто котлета, или она так заглаживает вину? Секс — просто секс, или она, угадывая твои желания, просит прощения?

С ума можно сойти...

Родина угадывала желания. Меняла позу за позой, соглашалась на экстрим, лишь бы доставить удовольствие. Коллантариев-помпилианцев восстановили в расовом статусе. Присвоили звание почетных граждан империи, с правом бесплатного проезда в транспорте, включая звездолеты. В честь вчерашних изменников, ныне — героев, прошел с десятков факельных манифестаций, внушительных и многолюдных. Титулы, звания, награды и привилегии были возвращены с лихвой. Запрет посещения планет, принадлежащих Великой Помпилии либо находящихся под ее протекторатом, сняли. Земельные владения и иная недвижимость вернулись к прежним хозяевам. Налоговые льготы стали предметом зависти соседей. Если бы этим дело ограничилось, военный трибун Тумидус спал бы спокойно, не зная слово «ненависть». Ах, если бы...

Увы, родина начала каяться.

Увы дважды и трижды, родина каялась публично.

Великая Помпилия продемонстрировала всей прогрессивной Ойкумене: ошиблась, виновата. Стою на коленях, бью поклоны. В документальных фильмах, транслируемых от Хиззаца до Кемчуги, освещалась личная жизнь коллантариев: неизменно моральная. В ток-шоу обсасывались поступки новоявленных любимцев публики: каждый чих превращался в подвиг. Журавли возвращались домой, во главе клина шел Гай Октавиан Тумидус. Ему достался тягчайший крест: на официальных приемах и в прямом эфире он выслушивал извинения сенаторов, наместников и первых секретарей имперской канцелярии. Слушал, кивал в особо драматических местах — и сорванным голосом хрипел, как он горд, как доволен, как страстно любит отечество.

Втайне он полагал, что легче было жить изменником.

Из архивов подняли записи триумфа, которого легат Тумидус был удостоен за высадку на Малой Туле. Эксцессы, проходящие под грифом «Особо секретно», вырезали, позорную драку с шептуном стерли. При монтаже оставили главное: гвардия в парадной форме, береты набекрень, золото шнуров. Ордена, медали — «За благородство помыслов», «За заслуги в обеспечении национальной безопасности»... В адаптированном виде триумф показывали ученикам средних школ и курсантам военных училищ. Выступать перед молодежью военный трибун Тумидус отказался наотрез. Его сняли в отдельной студии, по особому сценарию, убрали проклятья и грязную брань, наложили прочувствованный баритон диктора, подвесили название: «Символ покаяния империи» — и пустили *душеподъемным* роликом в дополнение к триумфу.

— Здравствуйте, офицер. Прошу прощения...

— Что?

— Вы не дадите ребенку автограф?

Сопляк победил. Смушенная — румянец во всю щеку — мамаша протягивала Тумидусу уником с развернутой сферой и лучевой стилус. У входа топтались мужчины: большой и мелкий. Они были похожи, как бывают похожи только дебилы в фазе возбуждения.

— Дам.

«Не ходи в армию, — написал Тумидус, с удовольствием глядя, как у мамашы, привлекательной женщины, отвисает челюсть. — Сиди дома, щенок. Понял?» И расписался:

«Гай Октавиан Тумидус, клоун.»

— Почему клоун? — изумилась мамаша.

— Гены, — мрачно объяснил военный трибун. — Наследственность.

— Вы шутите? Шутите, да?!

— Еще кофе? — спросил бармен.

Он оставался бесстрастен, как и подобает урожденному гематру. Тумидус был искренне благодарен бармену за это.

II

Крыша и борта мобилия растворились в воздухе.

— За три месяца не налюбовались? — сварливо поинтересовался лысый Мамерк.

— За эти месяцы, — закончив возиться с настройками, Юлий Тумидус погасил командную сферу пульта, — я всего пять раз выходил за территорию нашего представительства. Дважды меня экстренно хватили за шкуру и возвращали обратно. Нет, Мамерк, я не налюбовался.

Снаружи восьмиместный «Лендер» напоминал маринованную оливку, испещренную сизыми пятнами. Стекла Юлий затенил, прозрачность корпуса выставил одностороннюю. На таких машинах, прозванных в народе «летучими бегемотами», многодетные семейства выбирают на загородные пикники. Предположить, что громоздким рыдваном воспользуется госпожа имперская безопасность, мог только законченный параноик.

«Если у вас паранойя, — вспомнилась старая, как мир, шутка, — это еще не значит, что за вами не следят.» Кстати, насчет слежки. Сильно ли потроха «бегемота» отличаются от начинки стандартного «Лендера»? Охрана, конспирация, шпионские игры — все это уже не вызывало у Юлия никаких чувств, в том числе и раздражения.

Привык.

Мобиль шел в первом воздушном эшелоне: сорок метров над серо-стальным полотном наземного хайвэя. Справа и слева проплывали шестигранники офисных зданий, облицованные золотистыми панелями солнечных батарей. Столбики старинных монет, сокровищница исполина.

«Нам следовало бы учиться у гематров. Предельная рациональность, учет множества факторов, комплексный подход. Покрытие из фотоэлементов — раз. Гематрицы — дело хорошее, но дополнительная энергия лишней не бывает. Система застройки — два. Здания не затеняют друг друга; создается ощущение простора, решается проблема парковок и транспортных магистралей. Имидж — три. Недаром в «золотых» кварталах обосновались представительства крупнейших компаний и финансовых корпораций Ойкумены. Ой, *не даром!* И это ясно мне, инорасцу. А гематры наверняка просчитали и «четыре», и «пять», и «тридцать шесть»...»

Клинок хайвея рассекал пространство, уходя вдаль, к вырастающим на горизонте терминалам космопорта. За ними, над взлётно-посадочным полем, взмывали ввысь, растворяясь в темно-синих чернилах, или, напротив, спускались с небес корабли. Слух болезненно напрягался, воспринимая тишину, как глухоту — ни грохота, ни рёва. Взгляд искал вспышку плазменного факела, выхлоп планетарных химических движков — искал и не мог уловить. Глиссады, «косые старты», атмосферные манёвры — всё, кроме строгой «вертикали» на антиграввах, было строгой запрещенно. Исключения — только в случае аварийной ситуации. Аварий на Бен-Цанaxe не случалось более ста лет. В первую очередь, благодаря жестким правилам безопасности и знаменитым диспетчерам Тишри, рядом с которыми сгорали от зависти супер-компьютеры.

Лучи осеннего солнца пронизывали воздух, наполняя мир светом: мягким, прозрачным. Казалось, скройся солнце за облаком, и ничего не изменится: воздух продолжит светиться сам по себе. Город кончился, потянулись крыши ангаров, складов и энергостанций. Их вид навевал

уныние: панельные фотоэлементы имели цвет мокрого асфальта. Контраст с «золотыми» кварталами, по всей видимости, спланировали сознательно. Прикинув суточный грузооборот космопорта, Юлий уверился: складской комплекс уходит под землю на семь-восемь уровней, не меньше.

Он глянул на браслет-татуировку — в сотый раз за сегодня.

— Не волнуйтесь, — госпожа Зеро пожала плечами. — Успеваем с запасом.

— Я не волнуюсь.

Юлий врал; старуха знала, что он врет. Да, с вызовом подумал Юлий, волнуюсь. Пытаюсь отвлечься, как могу: изучаю пейзаж, цепляюсь за любую малозначащую мысль, достраивая к ней логическую цепочку. Чтобы это заметить, не нужно быть имперской безопасностью.

— Ресурс рабов вашего сына по-прежнему не меняется?

Вопрос застал Юлия врасплох.

— Что?

— Вы слышали.

Конечно, слышал. Просто нуждался в паузе, чтобы собраться и переключиться. Они со старухой в одной лодке, но ухо стоит держать остро.

— Нет, не меняется. Предвосхищаю ваш следующий вопрос: рабов продолжают эксплуатировать в штатном режиме.

Это был тот редкий случай, когда Юлий терялся в догадках: действительно ли госпожа Зеро не интересовалась энергоресурсом рабов Марка, утонув в державных хлопотах, или всё ей, хитрой бестии, прекрасно известно, и вопрос — лишь подводка к чему-то более важному.

Старуха молчала, сосредоточенно глядя поверх левого плеча Юлия. Очень хотелось обернуться: кто там, за спиной? Нервы, гори они огнем...

— У меня к вам просьба, эксперт.

Просьба — это плохо. Очень плохо. Если имперская безопасность не приказывает, а просит...

— Не упоминайте вслух об этом факте. Молчите даже в разговоре с теми, кто будет настаивать, размахивая высочайшими допусками.

— Почему?

— Вы хотите, чтобы Марка перевели из консультантов в подопытные кролики?

— Не хочу, — согласился Юлий. — Я вас понял.

Официально «астланский вопрос» находился в компетенции Совета Лиги, чья штаб-квартира располагалась на Тишри. С того момента, как Великая Помпилия взорвала ситуацию, бросив бомбу Астлантиды на стол председателя Совета, карусель закружилась, ускоряясь с каждой минутой. К эскадре «Гладиус», дежурящей на дальней орбите Острова Цапель, присоединились две тактические бригады кораблей Лиги. Информация по злополучной планете и её обитателям без промедления предоставлялась узкому кругу вершителей судеб цивилизованного мира — и за пределы этого круга не выходила. За сохранением тайны бдительно следили цепные псы спецслужб; волкодавы госпожи Зеро — в первую очередь.

Три месяца лихорадочного сбора данных. Исследования, экспертные оценки, консультации. Обсуждения в кулуарах; приватные беседы. Со дня на день переносилось закрытое заседание Совета. Великая Помпилия готовилась выступить с шокирующим предложением, в формировании которого госпожа Зеро сыграла не последнюю роль.

Увы, неясностей оставалось больше, чем хотелось бы. В потоке уникальных данных, поступающих из системы AP-738412, затерялась мелочь, грошовый пустячок: энергоресурс рабов Марка Кая Тумидуса всё это время оставался стабильным. Сенаторы и светила науки, представитель империи в Совете и свора его личных экспертов, политики и академики — никто не придавал этому значения, не обратил внимания, попросту забыл, занят решением проблем галактического масштаба.

Хвала Космосу: помпилианцы не привыкли думать о рабах — ни о своих, ни, тем более, о чужих. О них вспоминали лишь тогда, когда у «живой батарейки» заканчивался ресурс и назревала необходимость очередного клеймения. Но если кто-то выудит из кучи хлама странный

феномен; если выяснится, что батарейку можно превратить в аккумулятор с подзарядкой в режиме реального времени...

В феномен вцепятся клыками и когтями!

Весьма вероятно, что имперский представитель получит распоряжение из метрополии: не озвучивать уже готовое предложение по треклятой Астлантиде. Напротив, его обяжут настаивать на изучении ситуации, длительном и скрупулёзном. Ибо решение «астланского вопроса», в чём бы оно ни заключалось, грозило поставить жирный крест на феномене, сулившем радужные перспективы для Великой Помпилии.

Бесплатный сыр — начинка мышеловки. Старуха чуюла угрозу за сто парсеков, на сотню лет вперед. Обостренная интуиция криком кричала: берегись! Приспосабливать энергетику астлан к нуждам империи — смертельно опасно! И если кто-то заинтересуется рабами Марка Тумидуса... Всего влияния и авторитета госпожи Зеро не хватит, чтобы подавить этот интерес в зародыше.

— И попросите своего сына, чтобы он тоже помалкивал.

— Марк не из болтливых. Я переговорю с ним.

— Надеюсь, сын пошел в отца. Я рада, что у нас с вами полное взаимопонимание.

Юлий усмехнулся:

— Мы, Тумидусы, все патриоты.

Госпожа Зеро с сомнением поджала губы, но промолчала. Терминалы космопорта уже нависли над «Лендером», словно чертоги фей из детских сказок — гигантские радужные купола из поляризованного плексанола.

Машина пошла на снижение.

III

— ...повторяю: в 16:42, в секторе А-шесть-прим совершила посадку частная яхта «Стриж», следовавшая по маршруту «Квинтилис — Борго — Тишри». Вниманию встречающих: экипаж и пассажиры яхты в настоящее время проходят паспортный и таможенный контроль на зеленой линии второго южного терминала. Повторяю: в 16:42, в секторе А-шесть-прим...

Пора, сказал себе Гай Тумидус. Пальцы тронули сенсоры коммуникатора, активируя «Замочную скважину». Запрос пароля; ввод пароля, полученного при въезде в космопорт. Программа индивидуального слежения, разрешенная в Бен-Цанахе, называлась как-то иначе, сухо и скучно, но все привыкли к фривольной «Скважине» и переучиваться не желали. В голосфере возник пропусной пункт: таможня, будки иммиграционной службы, скупой ручеек людей, прилетевших на яхте. Трансляция велась с камер, специально предназначенных для свободного наблюдения; при желании можно было включить звук. В случае, если пограничник или таможенник предполагал конфликтную ситуацию, камеры отключались; также они блокировались по первому требованию досматриваемого.

Последнее случалось редко: жаждешь конфиденциальности — распотрошат с тройным усердием.

Гости Тишри шли налегке. Багаж, включая ручную кладь, проверялся автоматически. Сразу после досмотра вещи отправлялись в грузовые такси-беспилотники, забронированные с борта. Первыми освободились капитан и двое пилотов. Традиция: с гибнущего корабля капитан уходит последним, а после благополучного рейса — наоборот. Следом из коридора, как пробки из бутылок с шипучкой, выскочила стайка хохочущих стюардесс. Что смешного нашли девицы в вопросах таможни, Тумидус не знал. С терпением, мало свойственным военному трибуноу, он ждал; владелица яхты, по представлениям Тумидуса, должна была идти последней.

Есть женщины, которые никуда не торопятся, но везде успевают.

Он угадал: Юлия Руф замыкала процессию. Антоний, верный телохранитель, на шаг опережал Юлию, внимательно поглядывая по сторонам. Вежливость, требующая пропускать даму вперед, проигрывала схватку с профессиональными навыками. Рядом с помпилианкой шел еще один мужчина, при виде которого Тумидусу захотелось выпить стакан водки, лучше — туовой, а еще лучше встать с табурета и сбежать на северный полюс планеты.

С Лючано Борготтой, мужем Юлии, у трибуна были общие воспоминания, и не сказать, чтоб приятные.

Поморщившись, он дал звук.

— ...Антоний Дец Гракх?

— Да.

— Полтора года назад вы посещали Тишри как Антоний Гракх Дец. Какая фамилия у вас первая?

— Сейчас — Дец. В тот раз — Гракх.

— Причина?

— Это имеет значение для разрешения на въезд?

— Нет.

— В таком случае, не ваше дело, офицер.

— Вот ваш паспорт. Проходите.

Выйдя за желтую линию, Антоний остановился, поджидая Юлию. Лицо его бесстрашием могло соперничать с лицом контролера. В отличие от гематра, Тумидус знал, почему телохранитель менял порядок своего двойного *номена*. Когда Антоний последовал за Юлией в изгнание, старый лис постарался обезопасить многочисленное семейство Дец от лишних распросов. Верность гражданина изменнице родины — повод для сплетен и пересудов. По линии Гракхов у Антония родственников осталось мало: сводный брат, начальник военного училища на Тренге, не обремененный семьей, да двоюродная тетка, впавшая в маразм старуха-вдова.

Когда Юлии вернули расовый статус, маскировка потеряла смысл.

— ...Юлия Руф?

— Да.

— Вот ваш паспорт. Проходите.

— Всего доброго, офицер.

— Нет, погодите. Задержитесь у линии.

— Проблемы?

— Ждите у линии. Лючано Борготта?

— Да.

— Вы, насколько мне известно, коллантарий?

— Ну? — голос мужа Юлии звенел от раздражения.

— Ваша жена — тоже коллантарий?

— Это что, преступление?

Вот так всегда, говорил весь вид Лючано Борготты. Стоит куда-нибудь прилететь, и начинается кавардак. Скоро уже по нужде нельзя будет сходить, чтобы из унитаза не грянул окрик: «Стоять! Ноги на ширине плеч!». С трудом удерживаясь от желания надерзить погранцу, Лючано засунул руки в карманы, выпятил грудь — и стал похож на драчливого петуха. Присутствие супруги лишь разжигало в нем боевой пыл.

— Почему вы прилетели на яхте?

— А как мы должны были попасть на Тишри? Пешком прийти, что ли?!

— Вы коллантарии. Вам не нужна яхта. Повторяю вопрос...

— Не надо, я понял. Офицер, коллант — это группа из шести-семи участников. Вдвоем мы с женой, как бы нам ни хотелось, не в состоянии образовать полноценный коллант. А тащить за собой с Китты на Квинтилис, с Квинтилиса на Борго, а потом — с Борго на Тишри еще пятерых человек...

— Ясно. Проходите.

— ...у которых полным-полно своих собственных дел и забот...

— Господин Борготта, вы свободны.

— ...и которым нет дела до причуд тишрийских сторожей...

— Повторяю: свободны. Вы тоже, госпожа Руф.

Продолжая бурчать, Лючано догнал жену. По мере удаления от ретивого контролера он повышал градус речи: упреки перерастали в оскорбления, а оскорбления — в откровенную брань.

Чувствовалось, что сегодня не лучший день в жизни заведующего кафедрой иницирующей невропатии.

Жизнь налаживается, подумал Гай Тумидус, следя за взбешенным Борготтой. Если он не остынет в ближайшие полчаса, я соглашусь, что день прожит не зря. Набрав прямой индекс связи с Юлией, трибун повернулся к бармену:

— Как называется ваше заведение?

— «Золотой ключ».

— Спасибо.

В сфере было хорошо видно, как Юлия кивает. Имплантант за ухом позволял ей слышать диалог Тумидуса с барменом так же ясно, как если бы помпилианка находилась у стойки. Трибун не стал добавлять «Жду здесь!» или что-то в этом роде. Юлия терпеть не могла дополнительные разъяснения, полагая их пустой тратой времени. Хочешь увидеть разъяренную львицу? — начни нудить в беседе с госпожой Руф.

— Накройте столик на четверых, — велел Тумидус. — Там, в углу.

— Сделаете заказ?

— Графинчик водки. Туговая есть?

— Есть, — бармен ничуть не удивился. — Выдержанную?

— Разумеется. Легкая закуска на ваше усмотрение.

— Кофе?

— Всем, кроме меня. Дальше — по обстоятельствам.

IV

— Кофе?

В последнее время Юлий возненавидел кофе. Еще бы, если твой организм пропитался им насквозь! Работать приходилось сутки напролёт, а от синтетических стимуляторов Юлий отказался наотрез. Сейчас он и без кофеина был на взводе.

— Минеральной воды. Похолодней.

Мамерк фыркнул с осуждением: вопрос предназначался госпоже Зеро, а консультант беспардонно нарушил субординацию.

— И мне воды, — кивнула старуха.

Лысый набрал заказ в сервисной голосфере. Три высоких бокала — два с водой, один с ядовито-жёлтым апельсиновым фрешем — выехали из недр стола. Сделав глоток, Юлий оглядел зал ожидания. Бизнес-класс-II, автоматическое обслуживание. Строгий интерьер в стиле «хай-тек»: льдистые тона. Большинство столиков занято. Гул голосов время от времени перекрывало бархатное контраalto информателлы:

— Рейс № 1274/2 «Тилон — Бисанда — Тишри» прибыл по расписанию. Встречающих, не имеющих программы индивидуального слежения по имущественным, религиозным или иным причинам, просим пройти в зал прибытия номер три первого восточного терминала...

Сейчас не стоило опасаться агентов бесчисленных разведок и контрразведок, которыми кишела Тишри. Шефы спецслужб получили недвусмысленные приказы из самых верхов, считай, из поднебесья: в дела Совета Лиги до особого распоряжения не лезть! Увы, независимым журналистам отдать такой приказ было некому. А прозрачные намёки поумерить пыл действовали на эту братию, как красная тряпка на быка. В итоге госпожа Зеро вместо VIP-зала ожидания облюбовала тихую заводь, многолюдную и непритязательную, где акулам гала-новостей не придет в голову искать жирную добычу.

Монету прячут среди других монет, человека — в толпе.

Полностью избежать утечки информации по Астлантиде не удалось. Кое-что просочилось на ранней стадии, во время отправки первых кораблей Лиги. Сплетни, домыслы, искаженные обрывки сведений, более или менее достоверных. Информационное пространство Ойкумены пришло в движение, подогреваемое запахом сенсации и воплями-заклинаниями о свободах граждан:

«Народ имеет право знать правду!»

Требовалось выпустить пар из котла, иначе варево выплеснулось бы мутным потоком, обжигая правых и виноватых. Коммюнике Совета Галактической Лиги было предельно лаконичным:

«На дальней границе Ойкумены найдена очередная обитаемая планета с цивилизацией ранне-технологического уровня развития. В настоящее время СГЛ рассматривает вопрос о включении планеты в Лигу. Ситуация осложняется рядом вялотекущих конфликтов между туземными государствами. В повестку заседания СГЛ включен вопрос о возможности высадки на планету ограниченного миротворческого контингента ВКС Лиги.»